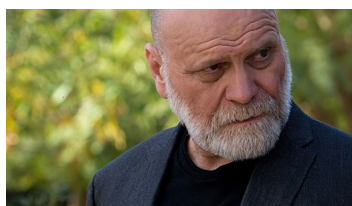


29 марта на российские экраны выходит новый фильма Павла Лунгина «Дирижер» — драматичная история поездки дирижера и его оркестра в Иерусалим, сопровождаемая и направляемая музыкой митрополита Иллариона — ораторией «Страсти по Матфею». Композитор, будучи тогда еще в сане священника православного храма в Вене, сам обратился к режиссеру и предложил на свою музыку сделать фильм, где были бы показаны церкви, фрески старых полуразрушенных монастырей Сербии и Черногории. Оратория совершенно захватила режиссера, но документальный фильм он делать не стал. Музыка оказалась очень сложной и многогранной, и Павел Лунгин соединил ее с довольно простой бытовой историей, сделав картину об отношениях отцов и детей, супругов, коллег. О внутренних переживаниях человека, о душевном кризисе, о стыде и о лжи, в которой невозможно жить. Фильм нельзя назвать религиозным, но дело происходит в Иерусалиме, а это город со своей энергетикой и атмосферой, которая влияет на героев.

Главного героя — дирижера, приезжающего в Иерусалим не только из-за концерта, но и чтобы обнаружить, что его сын покончил с собой, и похоронить его — играет мощный литовский актер Владас Багдонас, суровое молчание которого говорит о внутренней боли лучше любых слов. Актер театра Эймунтаса Някрошюса, Багдонас сыграл у него многие знаковые роли, включая Отелло, в кино же это его первая главная роль. Павел Лунгин Багдонаса называет актером бергмановского наполнения. Окружен Багдонас не менее выдающимися актерами — Ингой Оболдиной, Сергеем Колтаковым и Карэном Бадаловым (в мае его можно будет увидеть в небольшой роли в фильме «Матч»). Сам режиссер считает, что театральный коллектив придал ленте правду, которой сложно было бы добиться известными медийными лицами.

КиноПоиск поговорил с постановщиком Павлом Лунгиным о современных кинозрителях, ускользающем Иерусалиме, его новом проекте «Пиковая дама» и о телесериалах, которые он мог бы снять.



— Павел Семенович, ваш фильм выходит больше чем на ста копиях — это довольно широкий релиз для такой камерной драматической истории. Вы сами как объясняете такой интерес кинотеатров?

— Кинотеатры очень положительно отнеслись к «Дирижеру», увидев в нем потенциал и возможности. Мне сказали, что фильм волнует, а люди хотят идти в кино не только за развлечением. Кстати, в свое время я был удивлен, когда совершенно неформатные «Остров» и «Царь» показали очень хорошие результаты в прокате. Видимо, есть много зрителей, которые себя чувствуют неловко и неудобно в этом развлекательном плену и

бесконечном оптимизме, который им навязывается. Как я сказал на премьере фильма, «Дирижер» — это кино для тех, кто не хочет вливаться в цивилизацию грохочущего оптимизма. Посмотрим, выдержит ли зритель такое испытание. Мне действительно интересно, есть ли в фильме тот «витамин», который был в «Острове» и привлек людей.

— Вы в одном из своих недавних интервью сказали, будто не верите, что люди меняются. Но ведь ваш фильм «Дирижер» как раз о перемене в человеке, разве нет?

— Я не раз повторял, что «Дирижер» — это фильм о чувстве стыда и внезапном преображении, о человеке, проходящем через кризис. Кризисы необходимы как обществу, так и людям. Кризис — то, что позволяет тебе развиваться, стать тем, кем ты и должен быть. Бердяев писал, что мучающийся атеист гораздо ближе к Богу, чем самодовольный христианин. Потрясающий христианский образ распятия и возрождения — это и есть кризис, вечная мистерия человеческой жизни.

— То есть «Дирижер» — фильм о кризисе?

— Можно сказать, что это фильм для людей, которые в кризисе. Кризиса нет, когда ты мертвый. Температура не поднимается только у трупа. Недавние митинги — тоже кризис, а значит, мы живое общество. У нас происходит процесс поднятия температуры, и только так можно выйти из болезни.

"„Дирижер“ и „Остров“ снимались очень легко"

— Если сравнивать с другими вашими картинами — «Островом», например, — насколько сложно, душезатратно было снимать новую картину?

— „Дирижер“ и „Остров“ снимались очень легко. А вот «Царь» — трудно. Упирался всеми ногами. Когда понимаешь, о чем снимаешь, то происходит все достаточно просто. Страдания и муки случаются, если не знаешь, что делать.

— Оператором у вас был Игорь Гринякин. Как это сотрудничество родилось? Мне кажется, ему удалось ухватить какую-то особенную атмосферу.

— Я был с ним знаком, он работал на съемках «Царя» как второй оператор. Ему было интересно, как работает Том Стерн, великий мастер, оператор Иствуда. Я увидел, что Игорь очень живой, для него есть одна форма жизни — снимать. Я люблю таких людей, и потом я мог опереться на него в работе. Иерусалим снимать очень сложно. Он ускользает от камеры. Я не понимал, как поймать, как ухватить особую ноту, мелодию этого города. И это город опасный, потому что он тебя очень меняет энергетически, там большое силовое поле, но куда он тебя ведет — это непонятно. Это даже описано как «синдром Иерусалима», когда люди начинают себя вести непривычно — кому-то бывает

очень плохо, кому-то, наоборот, становится так хорошо, что он остается там жить на год.

Мы специально с Игорем вернулись туда, когда был снят фильм, чтобы сделать портрет города. Мы пытались его ловить — в движении, в сумерках, всегда с машины, с двигающейся камерой. Тогда эта атмосфера и стала появляться.



— Но больше всего, конечно, поражает музыка. Она словно ведет за собой весь фильм. Вы изначально рассчитывали, что акцент будет на ней?

— Да, особое звучание этого фильма находится в соединении бытового действия и духовной музыки. Это дает какую-то такую странную алхимию. Я боялся, что это не сработает, но в итоге, кажется, получилось, но, впрочем, судить зрителям, а не мне.

— В том, как вы подбирали музыку к эпизодам, вы следовали самой оратории?

— Это происходило интуитивно. Есть фрагменты музыки, которые не ложились на изображение, а есть те, которые совершенно спокойно попадали в действие. В этом есть некое чудо. Пришлось даже нарушить порядок номеров оратории, чтобы получилось цельное произведение. Я не очень разбираюсь в музыке, но она мне странным образом все больше нужна. Через музыку идет эмоция. И мой следующий проект, «Пиковая дама», тоже будет очень музыкальным.

— И он тоже будет о душевном кризисе?

— Да, но совсем по-другому. Он о молодых людях. В «Дирижере» у меня простой сюжет, а там будет сложный. Это триллер о постановке «Пиковой дамы» в театре, история молодого певца, который хочет петь партию Германа и готов на все ради этого. История страшно современная. Молодой человек, талантливый, красивый, бедный. Он хочет жить сейчас, немедленно. Дайте деньги, славу, возможность проявить себя. Такой вполне себе герой нашего времени.

Сценарий «Пиковой дамы» был написан самим Павлом Лунгиным, а в англо-саксонскую реальность его сейчас переводит звездный сценарист Дэвид Сэйдлер, обладатель «Оскара» за сценарий к фильму «Король говорит!». Съемки планируется начать поздней осенью. Павел Лунгин говорит, что ему неважно, где будет происходить действие, но, скорее всего, это будет не Москва.

"Иерусалим снимать очень сложно — он ускользает от камеры"

— Почему вы решили сделать его на английском языке?

— Мне кажется, этот сюжет вполне может войти в мировой контекст.

— А с Дэвидом Сэйдлером вы познакомились лично или обратились, что называется, со стороны?

— Нет, мы не были с ним знакомы. Сейчас, чтобы найти сценариста, нужно пройти сложную схему: встретиться с его агентами, менеджерами, адвокатами. На это уходят месяцы. Каждая крупная личность окружена флотилией различных специалистов. До Дэвида Сэйдлера достучаться получилось именно так. Но прежде чем согласиться, он посмотрел фильм «Царь», прочитал сценарий «Пиковой дамы» и уже потом ответил, что очень хочет работать.

— И на роль оперной дивы, продюсирующей постановку, вы хотите пригласить звезду международного масштаба?

— Мир оперы подразумевает звезд. Эта оперная дива — пожилая, но прекрасная, роскошная, современная Мария Каллас. Сам Бог велел брать на эту роль человека, который похож или сам является воплощением такого типажа. И потом в опере дивы — движущая сила. Ходят ведь на кого-то определенного, а не просто слушать музыку.

— А Германа, получается, тогда должен играть какой-то совсем молодой и неизвестный актер.

— Сейчас много талантливых молодых актеров, в Англии особенно. Думаю, найдем.



— Вернемся к «Дирижеру» и темам, которые он затрагивает. Недавно в «Ведомостях» была опубликована колонка Александра Роднянского, в которой он пишет, что российской аудитории совсем не интересны те проблемы, которые и ваш фильм поднимает. В прокате побеждают фильмы-сказки, не имеющие отношения к реальности. Вы согласны?

— Я абсолютно согласен. И я давно говорю об этом, и с Роднянским мы не раз это обсуждали. У нас единственная страна, которая больше всего боится, что будут говорить о ее жизни. Как больной, который боится идти к врачу. У нас совершенно нет

кино о жизни в семье, об отношениях между родителями и детьми, об отношениях на работе, о предательстве — о простых истинах, которыми жизнь и наполнена. Такое ощущение, что человеческие отношения исчезли. И люди не хотят понимать и анализировать свою жизнь, хотят какого-то забвения. Сродни алкоголическому. Хотя можно сказать, что у нас происходят те же процессы, что и в остальном мире, но у нас они доведены до абсурда. Вот и большие мастера уходят на телевидение, в сериалы, как Скорсезе, Гас Ван Сент. Последний, кстати, спродюсировал отличный сериал «Босс». Посмотрите, если не смотрели. Душераздирающая история.

— И вы сами думали наверняка о том, чтобы попробовать снять сериал?

— Думал, конечно. Меня это очень интересует, потому что там есть романная форма. Там сохранилась возможность рассказать о чем-то подробно, выразить отношение к жизни. Это будет формой будущего.

— И что бы это было, если у вас была бы возможность заняться большим ТВ-проектом?

— Я мечтал бы снять «Жизнь и судьбу» Гроссмана — роман, который считаю величайшим, но он уже снимается. Я бы хотел снять и современную историю. Сейчас так много новых психологических типов. Появилось огромное количество по-другому думающих, иначе живущих людей, которые вообще никак искусством не отмечены. Я их не вижу в кино, да и в наших плоских ситкомах их нет. Но этим надо заниматься, а времени ужасно мало.

— Ну как же, а у Германики в новом ее сериале «Краткий курс счастливой жизни»?

— Я очень любил ее предыдущий сериал «Школа». Там ей удалось ухватить что-то, какое-то чувство жизни и смерти. Возможно, подростки ей ближе, чем женщины. Я, правда, посмотрел немного. Снято талантливо, интересно, но того открытия, которое у меня было в «Школе» и еще больше в ее фильме «Все умрут, а я останусь», на мой взгляд, здесь не случилось. Открытия жизненного, ведь в жизни всегда есть сторона рациональная, а есть и тайна, мистерия. И любое художественное произведение должно хоть чуть-чуть эту тайну приоткрывать. Да, вспомнил, еще хотел бы снять «Бесов». Это про нашу жизнь.